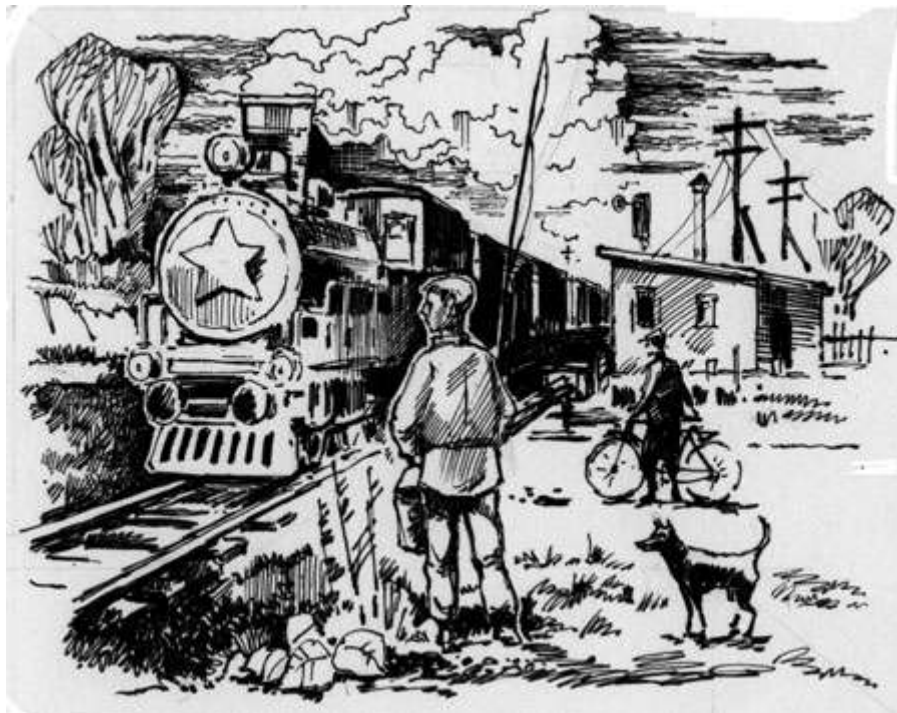

Виктор Баянов

21 июня 2013 | Газета «Кузбасс»

Он говорил, что стихи к нему приходили сами собой. «Иногда кажется, что я и не сочинял стихи. Будто они скрытно жили рядом сами по себе и однажды сразу открылись...»

Он родился в семье путевого обходчика. Жили они на перегоне, и мимо «казармы» путевого обходчика поезда мчали на полном ходу, разве какой остановится когда, то только поезд ремонтников: теплушка и платформа с инструментом. Значит, с малолетства в пришкольном интернате. В общем житии-бытии. Так ведь ещё и война.

Я за войну привык
к заплаткам,
Обнов выпрашивать не смел
И путал горькое со сладким,
Поскольку сладкого не ел.

«Железка» регулирует жизнь и быт железнодорожника. Практически военнообязанного. Взять ту же форму и знаки различия, как знаки родов войск: тот путеец, этот связист или движенец.

И его семья в этом железнодорожном графике. Огород или сенокос — всё в «полосе отчуждения». «Железка» — это в советские времена как государство в государстве. И жизнь за это государство отдают поколениями. Как Виктор Баянов. Для одних поэт, а для других — машинист.

Ну, ещё про дорогу.

Кто около неё жил, тот без часов знал, сколько времени.

Вот московский скорый свистнул и упыхтел в Кемерово. Значит, по московскому, общежелезнодорожному времени — четвёртый, а для гражданских восьмой час. После обеда пассажирский на Новосибирск. Вечером абаканский — пора спать.

Между ними товарняки туда-сюда. Иногда паровозы двойной тягой — старательно засыпают всю округу чёрным блестящим шлаком, не выгоревшим в паровозном котле, пристанционные дорожки в тяжкой индустриальной пороше.

После семилетки Баянов учился в Топкинском железнодорожном училище, «жэуха», местному. Ребята, как правило, крепкие. Ходили группами в чёрной форменной одежде, дружные, казарменный быт к тому располагал, и всегда настороже — городок в послевоенное время считался беспокойным, узловая станция — блатные тут делали пересадку на поезда дальнего следования и, бывало, куролесили. Да и своих приклатнённых хватало.

Первые фото Баянова — типичные молодёжные фото тех лет: напряжённое лицо (редко приходилось фотографироваться) и чубчик клинышком через лоб. Мода, как у всей тогдашней шпаны.

После «жэухи» на паровоз, потом армия, а потом опять на паровоз. Не на Транссиб. На заурядный, заводской. Самый дальний перегон — от завода на товарную станцию. Но быт при этом трудовой, напряжённый и жизнь — серьёзная.

Почему в таких, никоим образом, на сторонний взгляд, не располагающих к стихам условиях — ни тебе культурного окружения, ни заученного сызмальства Блока, ни рафинированного общения, — вырос поэт, и заключается главная баяновская загадка. Можно ещё про раскулаченных родственников, культ личности, босоное детство и «железный занавес» подпустить, но это уж совсем будет смешно.

Оказывается, талант даже бетон проломит. Оказывается, даже привокзальные пути повод для поэзии.

Нету близко лугов,
что цветут в эту пору,
Но и здесь, как над речкой,
повис виадук.
И цветут поезда,
и цветут светофоры,
Вся железнодорожная ветка
в цвету...

Он говорил, что стихи к нему приходили сами собой. «Иногда кажется, что я и не сочинял стихи. Будто они скрытно жили рядом сами по себе и однажды сразу открылись...» — признался Баянов однажды. Уже став членом Союза писателей, Баянов поступил на литературные курсы при московском Литинституте. Отучился, но профессиональным литератором не стал. Так и водил свой тепловоз, работая на Кемеровском химкомбинате. Впрочем, разве дело в том, что записано в трудовой книжке? Конечно, Баянов-железнодорожник кавалер разных трудовых орденов. Что правильно и хорошо. Но главная его дорога поэтическая. Он истинный поэт, не зря книжки его стихов зачитываются до слёз и до дыр.

По-видимому, вся поэзия в том, чтобы, отвлекшись от грохота колёс, как от привычного житейского фона, задуматься и замечтаться. Да не о чём-то куртуазно-дальнем, а о простом. Пастернак однажды гениально выразился о поэзии: не ищите её в небе, посмотрите под ноги, она в траве.

Не думать ни о чем
теперь бы,
Когда сто троп во все концы
И предлагают в сограх вербы
Свои сережки-леденцы.
И жаворонки без умолку
Над всей родимой стороной
Трезвонят

про твою помолвку
С самой красавицей-весной...

Да уж ладно - всего Виктора Михайловича не пересчитаешь, его книги надо под подушкой держать.

Василий ПОПОК.